

В. И. Переведенцев

ТРЕВОГА ЗАПОЗДАЛА НА ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

Население России: Ежегодный доклад. Рук. авт. колл. А. Г. Вишневский // Евразия. 1993. № 4 (12)

Переведенцев Виктор Иванович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института сравнительной политологии и проблем рабочего движения РАН.

Нет, кажется, ни одной российской газеты, которая за последние два года не печатала бы статей о демографической ситуации в России. Главной причиной стал зафиксированный перевес числа смертей над числом рождений. Началась естественная убыль населения, что воспринято как сенсация. Для демографов же ничего неожиданного в этом не было: еще с середины 60-х годов было ясно, что дело идет именно к тому.

Хорошо, конечно, что нынешние средства массовой информации бьют тревогу по поводу острого демографического кризиса, однако эта тревога запоздала на тридцать лет.

Каково действительное демографическое положение России сегодня? Как и насколько сильно сказывается на нем вся глубина социально-экономического кризиса?

Недавно опубликован Ежегодный доклад «Население России», подготовленный Центром демографии и экологии человека в рамках фундаментальных исследований отделения экономики РАН (его авторы — 12 исследователей под руководством А. Г. Вишневского). Это четвертый по счету доклад такого содержания, но первый — опубликованный. Предшествующие, называвшиеся «Демографическая ситуация в СССР», предоставлялись соответствующим ведомствам, но, к сожалению, не становились достоянием общественности.

Обширный труд, содержащий анализ и оценку демографической и экологической ситуации в России, состоит из шести обстоятельных разделов: общий обзор; семья и рождаемость; здоровье, смертность и продолжительность жизни; внутренняя и внешняя миграция; изменения численности и возрастной структуры населения; выводы и рекомендации.

Авторы отмечают, что естественная убыль населения породила «немало субъективных и нередко ошибочных оценок со стороны некоторых научных кругов, а также в средствах массовой информации. Буквально на глазах демографические вопросы, часто без должных к тому оснований, приобретают политический оттенок, а вырванные из контекста, не связанные между собой демографические данные превращаются в объект спекуляции политических деятелей» [с. 6]*.

По справедливому мнению авторов, «современные демографические проблемы ... сложились достаточно давно и лишь в наименьшей степени объясняются сегодняшним социально-экономическим кризисом...», а целый ряд демографических проблем вообще не является специфическим только для россиян. Низкий уровень рождаемости, не обеспечивающий воспроизводство населения, наблюдается в течение последних десятилетий в подавляющем большинстве экономически развитых стран мира. По всей видимости, это характерная черта современной цивилизации... Депопуляционные тенденции, с которыми столкнулись другие страны ранее нас и которые наблюдаются сегодня в России, с математической точностью предсказывались отечественными специалистами еще в конце

---

* Здесь и далее без указания номера источника по списку литературы следуют ссылки на текст доклада.

60-х — начале 70-х годов» [с. 6].

Приведем некоторые данные о росте населения России в последние десятилетия. За 40 лет, с 1950 по 1990 гг., оно увеличилось со 101,4 до 148,0 млн. человек, или на 45,9% (население Узбекистана — на 224,4%, Таджикистана — на 247,8%). Рост населения США за то же время составил 63,7%, Японии — 47,6, Франции — 34,6, Италии — 22,6, Великобритании — 12,5, Германии — 11,5% [с. 9]. Однако естественный прирост населения России быстро снижался* 17,3 человека на 1000 жителей в 1955 г., 5,9 — в 1970, 2,2 — в 1990, 0,7 ~ в 1991; в 1992 — заметная естественная убыль [с.10].

Численность городских жителей быстро росла, сельских уменьшалась. К началу 1992 г. доля горожан составила 73,8% всего населения России [с.12]; это больше, чем в любой другой бывшей союзной республике.

Одна из малоизвестных особенностей России — относительно высокая степень национальной однородности населения: по переписи 1989 года, 81,5% ее жителей составляли русские. Только население Армении было более национально однородным; в некоторых же союзных республиках представителей основной национальности насчитывалось чуть более половины населения (Латвия, Киргизия), в одном случае — значительно меньше половины (Казахстан) Два других наиболее крупных народа России — татары (3,8%) и украинцы (3,0%); все нерусское население — 27,2 млн. человек; русских в бывших союзных республиках — 25,3 млн. Среди нерусского населения России 27,6% считали себя русскоязычными [с. 12-15].

Население России в последние десятилетия сильно постарело, однако и теперь оно заметно моложе населения многих экономически развитых стран Запада. В начале 1992 года в России 16% населения было в возрасте 60 лет и старше (во Франции в середине 80-х годов — 18%, в Италии — 19, Германии — 20, Великобритании — 21%) [с. 11].

Очень важная особенность населения России — волнообразность ее возрастного строения, то есть чередование в нем многолюдных и малолюдных поколений. В возрастной пирамиде резко выделяются провалы 40-х гг. (1942-1946) и конца 60-х — начала 70-х. В 1960 г. в Российской Федерации родилось 2,8 миллиона детей, а в 1968 — 1,8 млн., число рождений за 8 лет сократилось более чем на треть [с. 25]. Именно это и является главной причиной естественной убыли населения в 1992 году: нынешняя малочисленность детей — следствие малочисленности тех, кто теперь становится родителями. Так называемый коэффициент суммарной рождаемости, очень важный с точки зрения демографической ситуации, в последние десятилетия менялся мало.

«В 1959-1960 гг. ...коэффициент суммарной рождаемости составлял 2,56. Затем начался десятилетний период быстрого падения рождаемости, после чего ее уровень стабилизировался. На протяжении последующих двух десятилетий коэффициент суммарной рождаемости, то есть показатель итоговой рождаемости женщины, принадлежащей к условному поколению данного календарного года, колебался вокруг отметки 2 (два рождения на одну женщину условного поколения)» [с. 20].

Замечу, что для простого воспроизводства населения (при нынешних показателях по возрастной смертности) нужно примерно 2,2 рождения, лучше сказать, 220 рождений на 100 женщин. У горожанок коэффициент суммарной рождаемости значительно ниже — в 1991 году он был около 1,5 [с. 20]. Вместе с тем суммарный показатель рождаемости реального поколения (рожденных в одно время) заметно ниже, чем гипотетического поколения (одновременно живущих); у каждого последующего поколения по возрастные показатели рождаемости в старших возрастах много ниже, чем у предыдущего. Так что реальное положение хуже, чем показывает коэффициент суммарной рождаемости.

В 80-е годы этот коэффициент сильно колебался. «В 1979- 1980 гг. показатель опустился до самого низкого за послевоенный период уровня (1,89), в 1986-1987 — поднялся до самого высокого после 1961 г. (2,20), в 1990 - опять 1,89, в 1991 новый рекорд — 1,73. Рекордно низким было в 1991 г. и абсолютное число рождений — 1795 тысяч» [с. 26-27].

Переход от очень высокой рождаемости, характерной для России еще в конце 30-х гг., к низкой рождаемости 60-х и последующих годов авторы доклада объясняют так называемым демографическим переходом от прежнего, традиционного типа воспроизводства населения (на основе высокой рождаемости и высокой же смертности) к современному типу (на

основе низкой рождаемости и низкой смертности). В экономически развитых странах Запада этот переход произошел раньше. Он начинается со снижения смертности. При сильном отставании снижения рождаемости происходит «демографический взрыв», который характерен для стран «третьего мира», а в пределах бывшего Советского Союза — для Средней Азии.

Демографический переход неизбежен и необратим. Демографы никогда не вели речь о возврате к прежней высокой рождаемости. Однако они считают чрезвычайно желательным хотя бы простое воспроизводство населения, то есть численное равенство родительских и детских поколений. В последние десятилетия такое положение было достигнуто только в 1986-1987 гг. Что вызвало заметное повышение рождаемости (примерно на 16%; $220 : 189 = 1,164$)? Как объясняют это авторы доклада?

«Решающий вклад в повышение коэффициента внесли женщины в возрасте 20-24 года — у них рождаемость между 1980 и 1987 гг. повышалась особенно сильно. Судя по тому, что абсолютное число первых рождений в это время сокращалось, а вторых — росло, ... наиболее вероятно, что многие 20-24-летние матери в этот период в необычно молодом возрасте рождали своих вторых детей, тогда как матери предыдущей пятилетней группы делали то же самое в свой обычный срок» [с. 27]. Но почему это произошло? «Дать исчерпывающее объяснение этого сдвига в календаре рождений ... непросто. Наиболее вероятно, что он связан с мерами демографической политики 1981 года, когда работающие и учащиеся матери получили частично оплачиваемый отпуск по уходу за родившимся ребенком до достижения им 1 года и право продления его уже без оплаты на полгода и поспешили воспользоваться полученными льготами» [с. 27].

Думаю, однако, что это — не единственная причина заметного повышения рождаемости в 80-е годы. Кроме названных мер, позитивно сказались и некоторые здравые шаги в антиалкогольной кампании, и большие ожидания, связанные с началом перестройки. В это же время сложился и заметный недостаток невест. В брак вступали преимущественно родившиеся в 60-е годы, когда каждая последующая годовая когорта была малочисленнее предыдущей. Жены в среднем моложе мужей (в первых браках — примерно на два года, в повторных — много больше). Кроме того, к моменту вступления в первый брак мужчины многочисленнее своих сверстниц (родившихся в том же году). Поэтому в 80-е годы женщина вступала в брак, в среднем, в более молодом возрасте, среди 20-24-летних более значительная часть, чем прежде, оказалась замужем.

Но чем оборачивается это в дальнейшем?

«Независимо от того, верно или неверно названа здесь причина сдвига в календаре рождений, сам этот сдвиг объясняет не только повышение показателей рождаемости до 1987 года, но и их последующее понижение. Перенос сроков «запланированных» рождений вовсе не означает, что родители намеревались родить большее число детей. А если таких намерений нет, то увеличение числа рождений сегодня означает почти автоматическое их уменьшение завтра, но уже в другой возрастной группе, в которую перейдут сегодняшние молодые матери» [с. 27].

Да, дополнительные рождения 80-х гг. будут «компенсированы» спадом рождений в 90-е, что сделает очередной «демографический провал» более глубоким.

Меры демографической политики, направленные на повышение рождаемости, были, в чем я убежден, правильны, однако приняты они были не вовремя. Способствовать повышению рождаемости нужно было на спаде демографической волны, а не на ее подъеме, то есть в начале 60-х годов, а не в начале 80-х. Мы попали в положение того дурака из притчи, который плясал на похоронах, а будучи бит — плакал на свадьбе.

Одной из целей демографической политики должно быть, несомненно, уменьшение размаха демографических волн, сокращение разницы в числах ежегодных рождений в провале и на гребне демографической волны. Такой размах в России превышает треть всех рождений. А это неизбежно вызывает резкие скачки численности учащихся, прироста (или убыли) трудовых ресурсов, диспропорции на «брачном рынке» и т. д.

Рождаемость решающим образом зависит от молодой семьи. А молодая семья, в среднем, конфликтна и непрочна. Число разводов, по официальной статистике, приближается к половине браков в том же году, во многих

больших городах — превышает половину. Число же самих браков заметно снижается. В 1987 г. их было 1 443 тыс., в 1990 — 1 320 тыс., в 1991 — 1 277 тыс. [с. 26]. Численность разводов на 100 браков соответственно составила 40, 42 и 47. Замечу притом, что официальная статистика основывается на получении свидетельств о разводах, которые обычно получают много позднее юридического развода (в суде), не говоря уж о фактическом распаде семьи (по некоторым обследованиям, от момента распада брака до получения свидетельства о разводе проходит, в среднем, 5-6 лет).

Большое число разводов, частые примеры крушения семей — родственников, друзей, знакомых — сами по себе существенно сказываются и на рождаемости. Молодые жены боятся остаться с детьми без мужей. И потому, что трудно повторно выйти замуж. И потому, что неизбежны экономические трудности. По данным Всесоюзного социально-демографического обследования 1985 г., за 5 лет после развода (браки распались в 19/5-1979 гг.) в повторные браки вступили из 1000 мужчин — 461, из 1000 женщин — 216. Практически все дети остаются с матерями. Алименты на одного ребенка — 1/4 доходов ушедшего из семьи супруга, на двоих — 1/3, на троих и более — 50% доходов. Значит «добавка» на второго — всего 8%. Не говорю уж о том, что нередки случаи уклонения от алиментов. Женщина, перед которой маячит распад брака, очень даже подумает — заводить ли второго ребенка.

Конфликтность и непрочность молодых семей, несомненно, сильно связаны с большими переменами в морали. В последние десятилетия большинство молодых горожанок живет добрачной половой жизнью. При низкой сексуальной культуре это имеет следствием многочисленные нежеланные беременности, внебрачных детей, браки, «стимулированные беременностью невесты» [3, с. 13-15], что очень осложняет последующую жизнь. На городскую семью разрушительно действует и административное регулирование миграции, ограничения прописки во многих городах, особенно больших. Один из наиболее эффективных методов обхода запретов — вступление в брак. Жену к мужу и мужа к жене пропишут независимо от размеров приходящейся на человека жилой площади, наличия работы и т.д. Ради этого заключаются не только фиктивные, но и настоящие браки, только стимулированные пропиской. Они нередко сводят мало подходящих друг другу людей. Вероятность распада таких семей, как и браков, стимулированных беременностью невесты, весьма велика.

Отрицательно влияет на рождаемость отсутствие или недостаток эффективных противозачаточных средств. Основным средством предотвращения нежеланных рождений продолжает оставаться аборт. В конце 80-х — начале 90-х гг. на 100 родов в России приходилось 206 аборт (в Эстонии — 117,1 Венгрии — 72, Швеции — 30, Австрии — 17, Нидерландах — 10) [с. 28]. А у нас ведь много и «нелегальных и не попадающих в регистрацию аборт». В то время, как известно, что при первых беременностях аборт (а их много) чреват вторичным бесплодием.

Насколько могу судить, в ближайшее время неизбежно заметное ежегодное снижение числа рождений, если даже рождаемость и не будет падать. Расстояние между гребнями демографических волн составляет около 26 лет, между их нижними точками — тоже 26 лет. Скорее всего, наименьшее число рождений будет в 1995-96 гг. Потом, по мере вступления в брачный возраст более многолюдного поколения, число рождений станет расти. Но будет расти и число смертей — из-за старения населения. Так что его естественная убыль в России будет долгой.

Смертность — вторая сторона воспроизводства населения. Показатель ее уровня — средняя продолжительность жизни. До середины 60-х гг. она росла и составляла в России 64,3 года у мужчин, 73,4 — у женщин; однако к началу 80-х гг. сильно сократилась — соответственно до 61,5 и 73,1 года; затем вновь выросла — до 63,9 года у мужчин и 74,4 — у женщин (1990 г.) [с. 40].

«Анализ изменений средней ожидаемой продолжительности жизни по возрасту и причинам смерти показывает, что ее снижение (после середины 60-х гг. — В.П.) было связано почти исключительно с увеличением смертности от несчастных случаев, отравлений и травм в молодых и средних возрастах и ростом смертности от болезней системы кровообращения в средних возрастах» [41]. Снижение смертности шло в те же годы, что и повышение рождаемости, и было вызвано теми же

причинами, в частности — меньшим злоупотреблением спиртным. Но «уже в 1987 г. снижение смертности прекратилось, и наметилась тенденция ее возврата к прежнему уровню... Регресс происходит на том же направлении, на котором были достигнуты успехи 1980-1987 гг.: растет смертность от травматизма в трудоспособных возрастах. За счет смертности в допенсионных возрастах Россия теряет ежегодно примерно 8 миллионов потенциальных лет трудоспособной жизни, из них примерно 40% — из-за несчастных случаев и травм. Сравнение с развитыми западными странами показывает, что эти потери могут быть снижены, по крайней мере, в 2,5 раза» [с. 48, 52].

Очень велики различия в мужской смертности между городом и селом: в 1991 г. средняя продолжительность жизни мужчин-горожан составляла 64,1 года, а селян — 61,8 [с. 50]. Такого разрыва нет ни в одной развитой стране мира. В чем его причина? «Среди факторов... этих различий следует отметить относительно более низкий уровень образования сельского населения, слабое развитие сельского здравоохранения и инфраструктуры вообще, миграционное истощение наиболее активных и трудоспособных возрастных групп на селе, а также более высокое потребление алкоголя и большую степень алкоголизации сельского населения» [с. 50-51].

Нынешний глубокий социально-экономический кризис, несомненно, неблагоприятно влияет на здоровье населения и смертность. Однако — в какой мере? Вот обобщающая и, думаю, правильная оценка: «Как современный уровень смертности и продолжительности жизни в России, так и их динамика, конечно, неблагоприятны. Но ни то, ни другое не дает оснований утверждать, что в последние годы, включая и 1991, со смертностью происходило что-то необычное. Довольно распространенное мнение о сильном негативном воздействии социально-экономического кризиса, связанного с переходом к рынку, на смертность населения России не подтверждается фактами» [с. 51].

Сложившаяся в стране ситуация не дает оснований надеяться на снижение смертности в ближайшие годы. Думаю, однако, что можно избежать значительного ее роста.

Как бы то ни было, в процессе воспроизводства населения рождаемость играет несравненно большую роль. Именно из-за ее низкого уровня «уже более четверти века режим воспроизводства населения России не обеспечивает даже простого замещения поколений» [с. 74]. Это вело к старению населения и неизбежной его естественной убыли, которая и началась в начале 90-х годов.

Доля лиц в возрасте 60 лет и старше в населении России поднялась с 9,0% в 1959 г. до 16,5% в 1992 [с. 75] и будет быстро нарастать в дальнейшем. Старение населения — результат снижения рождаемости, а не увеличения продолжительности жизни, как обычно думают люди, далекие от демографии. В 90-е гг. доля тех, кому за 60, резко возрастет за счет многочисленности рожденных в 30-е годы.

Старение населения будет увеличивать «демографическую нагрузку» трудоспособного населения. Эта нагрузка, кстати, сильно возросла за 10 лет между последними переписями населения. В 1979 г. на 1000 человек в трудоспособном возрасте приходилось 655 человек в нетрудоспособном, а в 1989 — 755; у сельского населения соответственно — 858 и 940 [с. 75]. Это, естественно, создает острые социально-экономические проблемы.

Итак, долговременная низкая рождаемость и вызванное ею постарение населения — главная причина начавшейся убыли населения. Дополнительная причина — волнообразность его возрастного строения, то есть переменение относительно многолюдных и малолюдных поколений. Со второй половины 80-х гг. в возраст наивысшей рождаемости стали вступать малолюдные годовичные когорты, рожденные во второй половине 60-х. Демографический провал 90-х гг. — повторение такого же провала 60-х. Как иногда говорят, — «эхо эха войны», имея в виду, что провал 60-х был вызван малочисленностью рожденных в 1942-1946 гг. Однако в какой мере резкое снижение числа рождений было вызвано военным «недородом»?

Демографам хорошо известно, что главной составляющей спада числа рождений в 60-е гг. было снижение рождаемости (интенсивности рождений, числа детей у женщины «в среднем», в «средней» семье), а отнюдь не малочисленность тех, кто родился в 1942-1946 гг. Это совсем не трудно доказать. В 1959 г. в России родилось 2 796 тысяч детей, а в 1969 — 1 848 тысяч, или на 34% меньше [4, 70]. Брутто-коэффициент

воспроизводства населения (т. е. число девочек, которых может родить женщина при данной повозрастной рождаемости) упал за это время на 23,6% (с 1,27 до 0,97; $0,97 : 1,27 = 76,4$) [5, с. 156]. Если бы коэффициент остался прежним, то в 1969 г. родилось бы 2 419 тысяч детей ($1848 : 76,4 \times 100$), спад числа рождений за 10 лет составил бы не 948 тысяч, а всего 377 (40% от фактического падения).

Как видим, «эхо войны» — это скорее «красивый», нежели точный образ, скорее миф, чем реальность. Я бы сказал — «идеологически выдержанный», идеологически желательный миф: в явно нежеланном явлении виновата война, а не реальности жизни в стране в 60-е годы и не ошибки экономической, социальной и демографической политики. Характерно, что ЦСУ, имевшее все данные для правильного освещения феномена демографического провала 60-х гг., ничего для этого не сделало. Более того: его работники продолжали настаивать на высоком качестве явно ошибочного демографического прогноза до 1981 г., а совершенно фантастический следующий прогноз (до конца столетия) засекретили. Когда я спросил одного из авторов этого проекта, как и? удалось получить такую большую численность населения на конец прогнозируемого периода (в то время, после поправок, по доходившим слухам, 338 миллионов человек для СССР в 2000 г.), то получил такой ответ: очень просто — там, где рождаемость высокая, сохранили ее до конца прогнозируемого периода, а там, где она низкая — немного подняли. На вопрос — почему же подняли, когда рождаемость везде падает? — мне ответили: «А вы что же, думаете, чем ближе к коммунизму, тем будет хуже?».

Официальные демографические прогнозы всегда были скорее идеологическими, чем научными. Вероятно, они во многом дезориентировали руководство страны (если допустить, что оно действительно интересовалось проблемами демографии и что-то в ней понимало). Думаю, что именно такие прогнозы были, в частности, и немаловажной причиной того, что направленные на повышение рождаемости меры принимались в начале 80-х, а не двадцатью годами ранее.

Опубликованный научный доклад «Население России» дает открытое полноценное изображение демографической ситуации в России. Что касается анализа этой ситуации, то он, насколько я могу судить, выполнен на самом высоком профессиональном уровне. Это относится не только к вопросам воспроизводства населения, но и к проблемам экологии, миграции населения, которой посвящен большой и очень интересный раздел доклада (этот аспект демографической ситуации я здесь не затрагивал - сегодня он требует специального рассмотрения).

Сложнее мое отношение к выводам и рекомендациям авторов в области воспроизводства населения. Говоря о переходе «к новому типу семьи», с чем «связаны основные изменения в семейной структуре населения, процессах формирования рождаемости и т. д.», авторы справедливо отмечают, что перемены сложны и болезненны, порождают множество проблем, обострившихся сейчас в связи с многосторонним кризисом бывшего советского общества» [с. 83]. Тут мне трудно что-либо возразить. А вот следующая мысль — о том, что нет «особых оснований для того, чтобы драматизировать нынешнюю «семейную» ситуацию в России» — вызывает большие мои сомнения, особенно в связи с дальнейшими конкретными рекомендациями. «Драматизировать», естественно, нет никакого смысла, ибо ситуация и без того, как это видно из всего содержания доклада, крайне драматична. Демографический провал 90-х годов будет глубже и болезненнее провала 60-х, что повлечет длительные и крайне неблагоприятные демографические, но также социальные и экономические последствия (убыль трудовых ресурсов, малая доля наиболее мобильной их части — молодежи и т. д.).

Не стоит упускать из виду и то, что после распада бывшего СССР Россия осталась с очень небольшим — для ее территории населением. Если даже все его отнести к одной трети этой территории, с наиболее благоприятными природными условиями («отбросив» Север, приравненные к нему районы и горы), то и тогда плотность населения будет в 10 и более раз меньшей, чем во многих странах Западной Европы. Даже в Московской области (вместе с Москвой) плотность населения в полтора раза ниже, чем в среднем в Голландии. Слабая заселенность — одно из самых неблагоприятных условий экономического развития России.

И меня совсем не утешает справедливое замечание авторов доклада, что

в некоторых странах мира положение с воспроизводством населения давно хуже, чем в последнее время у нас.

Вот основной пункт очень кратко сформулированной «антикризисной программы»: «Следует отказаться от политики стимулирования рождаемости и в кратчайшие сроки переориентировать всю систему экономической и социальной помощи семье на обеспечение хотя бы минимально необходимой, но устойчивой поддержки тем типам семей, которые находятся в экстремальных условиях, — матерям-одиночкам, многодетным семьям, семьям, потерявшим кормильца, семьям пенсионеров и инвалидов и пр., а также семьям переселенцев» [с. 83-84].

Возражение тут вызывает одно, но главное: «отказаться от политики стимулирования рождаемости».

На мой же взгляд, основанный на тех же известных демографам фактах, следует, напротив, усиливать «политику стимулирования рождаемости». Собственно, эта политика (если и можно говорить о таковой) всегда была очень слаба. Думаю, специалисты хорошо помнят, что некоторые видные демографы считали ту же систему мер, намеченных директивными органами в 1981 году, лишь средствами для лучшего воспитания детей. Если даже это и не так, то о сколько-нибудь ясно выраженной политике стимулирования рождаемости можно говорить только применительно к 80-м годам. Можно, конечно, причислить к ней запрет абортс с 1936 по 1955 годы. Думаю, однако, что в демократическом обществе такие меры недопустимы, не говоря уж о том, что в нынешних условиях с их помощью рождаемость не поднимешь. Напомню, что после отмены запрета абортс рождаемость не упала, а поднялась.

Предлагая отказаться от стимулирования рождаемости, авторы доклада выражают устоявшуюся точку зрения одной группы демографов. Она неоднократно обсуждалась на научных совещаниях (меньше в печати) и подвергалась обоснованной, как мне представляется, критике. Другой вопрос — содержание политики, направленной на поддержание и повышение рождаемости. Лично мне не известна сколько-нибудь разработанная система такого рода мер. Это ведь могут быть не только запреты и необоснованные посулы, против которых выступают авторы доклада. Но я, кстати, и не помню, чтобы кто-то из демографов требовал каких-либо запретов.

Думаю, что нужна сильная демографическая политика, направленная на достижение, по крайней мере, простого воспроизводства населения, а также -смягчение демографических волн. И в наше время она нужна, видимо, больше, чем раньше. Кроме возможного прямого воздействия на течение демографических процессов, такая политика вела бы к осознанию обществом демографических проблем. Совершенно правы авторы доклада в своих суждениях на то, что ни в недалеком прошлом, ни теперь эти проблемы не были в достаточной мере осознаны [с. 83]. Хорошо представляю это по сотням писем в редакции газет и журналов после публикации статей и материалов демографического характера.

Чего стоит, например, объявление трехдетной семьи многодетной, как это было сделано, например, в Москве. С демографической точки зрения — абсурд. Простое воспроизводство населения возможно только при массовой средне-детной семье (с тремя-четырьмя детьми). «Много» же в слове «многодетная» часто воспринимается как «слишком много» (не исключено, что и эта «установка» влияет на решение — особенно горожан — ограничиться одним ребенком).

А жесткая жилищная дискриминация молодежи в бывшем СССР! Очереди на предприятиях были многолетними, место в них определялось главным образом стажем работы, для молодых — в «хвосте». Нормальное, по нынешним понятиям, жилье они обычно получали, когда молодость прошла, все дети уже родились, когда намаялись, то снимая комнату у «частника», то проживая в бараках, вагончиках, балках... Как это сказывалось на рождаемости? Такой ли должна была быть жилищная политика при стимулировании рождаемости?

Наша наука плохо знает причинно-следственные зависимости в демографических процессах. Значительный подъем рождаемости в 80-е годы, о котором здесь шла речь, позволяет, думаю, считать, что возможности целенаправленного влияния на демографическое поведение значительны. Но для эффективности такого влияния нужны конкретные знания.

Упрекать нашу демографию за недостаток знаний невозможно. В 30-е

годы она, как и многие другие науки, была фактически разгромлена: ликвидированы оба академических научно-исследовательских института, уничтожены лучшие кадры и т. д. До сих пор эта наука держится в основном на энтузиастах, разбросанных малыми группами и поодиночке по научным и учебным заведениям иного профиля. Центр демографии и экологии человека — один из немногих сравнительно крупных, устойчивых и высококвалифицированных коллективов, о чем, в частности, свидетельствует и Ежегодный демографический доклад «Население России». Думаю, что коллектив, который может создавать такие труды, вполне созрел для преобразования в академический Институт. Это могло бы помочь в разработке эффективной демографической политики.

Литература

1. Население СССР. 1988. М., Финансы и статистика. 1989.
2. Население СССР. 1987. М., Финансы и статистика. 1988.
3. Тольц М. С. и др. Начальные этапы реализации репродуктивной функции женщин // Здравоохранение Российской Федерации, 1984, № 7, с. 13-15.
4. Население СССР. 1973. М., Финансы и статистика. 1975.
5. Народонаселение стран мира. М., Мысль. 1984.